

Научная статья

УДК 101.1:316; 1 (4/9)(091)(8-6)

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>

УТОПИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ОБРАЗ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Г. Г. Коломиец¹, П. В. Ляшенко²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: lyashenkopavel@rambler.ru

Аннотация. Авторы, отмечая особенности современной техногенной и непредсказуемой в своих последствиях цивилизации, обращаются к некоторым точкам зрения на утопию, получившую широкое распространение в мире и, в частности, в Латинской Америке. Авторы следуют социально-философской методологии освоения инновационного общественного пространства, применяя антропосоциоэкологический подход, который предопределяет тесные взаимосвязи в системе человек-социум-природа и позволяет учитывать действие чувственной и интеллектуальной интуиции, эмоционального и рационального в сознании, утопически настроенного на совершенный образ жизни человека в новых социально-политических условиях. Используется феноменологический подход, обращенный к экзистенциальным ценностям и смыслам. Целью статьи стало желание представить две точки зрения латиноамериканских мыслителей на утопию, на склонность к специфическому утопическому мышлению как необходимости воображающего человеческого сознания видеть возможности межчеловеческих отношений в достаточно достойном благоустроенном мире. Приведены высказывания латиноамериканских деятелей, специалистов по утопии как формы специфического мышления, которая посредством фантазии представляет идеальный, совершенный миропорядок в социуме. Выделены критические и вместе с тем позитивные оценки утопии и антиутопии, их сопричастность к идеям развития современного мира, что позволяет утверждать продуктивность критической и прогностической философской мысли. Во введении авторы дают представление об утопии и антиутопии в российской философии и латиноамериканской мысли. В основной части, посвященной новому подходу конструирования утопии в Латинской Америке на основе межчеловеческих отношений, рассмотрены две точки зрения на утопию Фернандо Аинсы и Йоханки Леон дель Рио. Отмечено, что уругвайский исследователь утопии Ф. Аинса предлагает обновленное восстановление утопического мышления, изложенное в работе «Реконструкция утопии». В этой связи он поднимает три вопроса: современное понимание утопии, ее социальная функция и идея создания утопий с ориентацией на подлинный гуманизм. Что касается другой точки зрения, представленной кубинским философом Й. Леон дель Рио, то здесь обращено внимание на рационально-критический подход к утопии, который ей в принципе импонирует как поиск идеала социально-человеческого существования. Вместе с тем, она критически оценивает моральное состояние существующего капиталистического строя, и следуя марксистской теории, поднимает проблему антиутопии. В выводах сказано, что в некоторых латиноамериканских философских взглядах на значение образа утопии, а также антиутопии, обнаруживается сопричастность разных моделей в продуктивном движении философской мысли в условиях новой социально-политической реальности, отставившая гуманизм, суверенитет, человеческую жизнестойкость. Авторская мысль идет дальше. Утопия и антиутопия в новейших фантазмагориях символически выражают тенденцию внутреннего стремления к лучшему качеству жизни в условиях новых межчеловеческих отношений на разных уровнях, стремление к гармонической упорядоченности в многополярном мире на основе индивидуального, национального и транснационального человеческого достоинства.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, социальная философия, латиноамериканская философская рефлексия, межчеловеческие отношения, антропосоциоэкологический подход, человеческое достоинство.

Для цитирования: Коломиец Г. Г., Ляшенко П. В. Утопия в философской мысли Латинской Америки как образ межчеловеческих отношений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 108–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>.

Original article

UTOPIA IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF LATIN AMERICA AS AN IMAGE OF INTERPERSONAL RELATIONS

G. G. Kolomiets¹, P. V. Lyashenko²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: lyashenkovpavel@rambler.ru

Abstract. The authors, noting the peculiarities of modern man-made and unpredictable civilization in its consequences, turn to some points of view on utopia, which has become widespread in the world and, in particular, in Latin America. The authors follow the socio-philosophical methodology of mastering the innovative social space, applying an anthroposociological approach, which predetermines close interconnections in the system of man-society-nature and allows taking into account the action of sensory and intellectual intuition, emotional and rational in the consciousness, utopically tuned to the perfect way of life of man in new socio-political conditions. The phenomenological approach is used, addressed to existential values and meanings. The purpose of the article was the desire to present two points of view of Latin American thinkers on utopia, on the tendency to specific utopian thinking as the need for imaginative human consciousness to see the possibilities of interhuman relations in a sufficiently decent, well-ordered world. The article presents the statements of Latin American figures, specialists in utopia as a form of specific thinking, which through fantasy represents the ideal, perfect world order in society. The article highlights the critical and at the same time positive assessments of utopia and dystopia, their involvement in the ideas of modern world development, which allows us to assert the productivity of critical and predictive philosophical thought. In the introduction, the authors give an idea of utopia and dystopia in Russian philosophy and Latin American thought. In the main part, devoted to a new approach to constructing utopia in Latin America based on interhuman relations, two points of view on the utopia of Fernando Ainsa and Yohanka Leon del Rio are considered. It is noted that the Uruguayan utopia researcher F. Ainsa offers an updated restoration of utopian thinking, outlined in the work «Reconstruction of Utopia». In this regard, he raises three questions: the modern understanding of utopia, its social function, and the idea of creating utopias with a focus on genuine humanism. As for the other point of view presented by the Cuban philosopher J. Leon del Rio, here attention is drawn to the rational-critical approach to utopia, which, in principle, impresses her as a search for the ideal of social and human existence. At the same time, she critically evaluates the moral state of the existing capitalist system, and following Marxist theory, raises the problem of dystopia. The conclusions state that in some Latin American philosophical views on the meaning of the image of utopia and dystopia, there is a connection between different models in the productive movement of philosophical thought in the context of a new socio-political reality, advocating for humanism, sovereignty, and human resilience. The author's thought goes further. Utopia and dystopia in the latest phantasmagoria symbolically express the tendency of inner striving for a better quality of life in conditions of new interpersonal relations, striving for harmonious order in a multipolar world based on individual, national and transnational human dignity.

Key words: utopia, dystopia, social philosophy, Latin American philosophical reflection, interpersonal relations, anthroposociological approach, and human dignity.

Cite as: Kolomiets, G. G., Lyashenko, P. V. (2025) [Utopia in the philosophical thought of Latin America as an image of interpersonal relations]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 108–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>.

Введение

Современная техногенная цивилизация характеризуется поиском решения глобальных проблем, изменением ценностно-смыслового представления о человеке, социуме и государстве. Переосмысливаются ценность самой человеческой жизни, проявляются противоречия в деятельности человека, взаимодействующего с обществом, природой, живой и неживой

материей. Процессы переживаемого исторического периода создают условия для активного научного освоения духовного наследия мыслителей-утопистов и современной интерпретации латиноамериканской утопии в контексте поиска ответа на вопрос: насколько человек, окрыленный творением техники, науки, искусства, изменяет жизненный мир согласно чувству меры, гармонии, должного, прекрасного как высшими

эстетико-этическими принципами вселенского бытия.

В конце XX века, советский и российский философ Э. А. Араб-Оглы писал, что термин «утопия», идущий от названия книги Т. Мора (1516 г.), в XIX и XX вв. «приобрел характер отрицательного обозначения всех сочинений и отношений, содержащих нереальные планы продуманного переустройства общественных отношений...»¹. На рубеже конца XX в. положительное значение утопии проявляется в двух направлениях: первое – утопия создается с целью того, чтобы «предвосхитить вероятное отдаленное будущее», второе – утопия «может предостерегать от некоторых отрицательных социальных последствий легкой деятельности»². Автор данной статьи «Утопия и антиутопия» уделяет больше внимания распространившимся на современном этапе развития общественной мысли антиутопиям.

В этот же период времени итальянский ученый, писатель-эссеист Клаудио Магрис издает книгу «Утопия и разочарование», в которой он характеризует современную эпоху как глубокое ощущение радикальной трансформации цивилизации, человеческого существования и ощущение конца – но не мира, а сложившегося способа жить в современном мире, понимать его и управлять им. С этим он, как видим, связывает свое разочарование того, что техногенная цивилизация не принесла удовлетворения ожидаемого благоустроенного мира. В этой связи К. Магрис провозглашает возникшую необходимость соотношения разочарования с утопией как знания того, что мир нуждается в изменении к лучшему [17, с. 7]. Достигнутый технологический прогресс цивилизации не привел к прогрессу в экономической, социальной, экологической и моральной сферах. На фоне нарастающего разочарования утопия сменилась на антиутопию. Разочарование, по его словам, как основополагающая черта антиутопии, нашло выражение в специфических латиноамериканских версиях, связанных с осознанием того, что устарели и стали несостоятельными мечтания о величии, с которых начинались процессы национального строительства [16, с. 16]. Как мы видим, очарование утопией сменяется разочарованием и ведёт к антиутопиям. В таком случае в соотношении утопии и антиутопии как социальных конструктов, можно выделить противостояние в контексте категорий бытия идеального и реального, невозможного и возможного.

Уругвайский культуролог, специалист по латиноамериканской культуре Фернандо Аинса пишет, что после 1989 г. в постмодернизме стало привычным

не доверять утопиям, с чем он не может согласиться. Ф. Аинса также как и К. Магрис выступает за возвращение к утопическим моделям, повернув утопию непосредственно к качественному существованию человека, в русло антропологии, так как наступило время, когда «необходимо представить возможность другого будущего и найти выход из давящего монотематического *impasse*», утопический дискурс всегда имеет право быть. Мыслитель предлагает обновленное восстановление утопического мышления, изложенное в работе «Реконструкция утопии». Ф. Аинса возлагает надежды на роль утопической функции в Латинской Америке, где утопия характерна для их континентального мышления о должном бытии. В 1996 году он писал, что утопия особенно необходима в это время, вместе с тем видны все признаки ее заката «Политический реализм теснит индивидуальное и коллективное воображение», а люди склонны к мечтам [1, с. 13]. Целью его эссе было доказать необходимость утопической функции, поскольку он считал опасным действие антиутопии, как например «1984» Джорджа Оруэлла, в которой тоталитарная идея смешивает «идеального гражданина Государства» и «идеальное состояние человека» [1, с. 13].

Актуализация обращения к теме утопии на примере некоторой латиноамериканской философской мысли, возникшей после провозглашенного постмодернистской философией конца утопии, происходит вследствие ряда взаимосвязанных факторов, которые для нас важны в свете антропосоциоэкологического подхода, чем и вызвано обращение к Латинской Америке.

Утопия как форма философского мышления, жанр философствующей литературы и научная проблема в странах современной Латинской Америки является популярной, что имеет, на наш взгляд, антропосоциоэкологическое объяснение, уходя в глубинное обоснование самой социальности, его природы и генезиса, социокода цивилизационно-культурного развития. Согласно мнению мексиканского поэта, культуролога и политика Октавио Паса: «Америку невозможно понять, если мы забудем, что являемся главой в истории европейских утопий», что объясняет вписанность утопии в мир, универсальное состояние американца [8, с. 141].

Антропосоциогенез, обусловивший социальное саморазвитие человека и причины социокультурного исторического процесса, обозначил факторы человеческой жизнедеятельности, в основе которых лежит,

¹ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

² Там же.

прежде всего, деятельность и труд, организованные сознанием, ориентированным на гармонию, антиэнтропийный порядок, совершенство. Достижение цели получило эмоциональную и рациональную оценку того, что создано человеком построенного, организованного, ориентированного на эстетически воспринимаемые формы реального и идеального бытия. Цивилизационно-культурное развитие предполагает общественные формы жизни, которые невозможны без связи деятельности, поведения, общения, языковой культуры, телесной организации. Согласно В. С. Стёпину, деятельность, поведение, общение регулируются особыми программами социальной природы, социокodem, который обуславливает историческое развитие общества. Деятельность и труд предполагают целевую установку «Цель – это идеальный образ будущего результата деятельности» [6, с. 41]. Утопии, в этом контексте, как идеальные модели того, чего еще нет, но идеально должно быть, заданы или пред-заданы нашему сознанию социокodem, ориентированным на совершенное, прекрасное, хорошее, доброе, светлое. Утопической ориентации способствует и такие факторы, как функционирование символов, знаков, рациональная и чувственная интуиции, развитая телесность в двух видах. Согласно мысли В. С. Стёпина, у человека есть не одно, а два тела, т.е. природное и «неорганическое тело цивилизации». Как мы полагаем, именно оно, «неорганическое тело цивилизации», разрастаясь, расширяясь и совершенствуясь, технологически побуждает к новым утопическим проектам. Следовательно, утопии можно рассматривать как сущностную необходимость бытия человека в социуме, межчеловеческих отношений в жизнедеятельности, целевых программ.

Очевидно, что утопическое присуще человеческому сознанию с древности, выражено в мифологии, сказаниях, легендах, затем в романах и т.д. В свете этого, оправдана характеристика утопии, предложенная Орасио Серутти Гульдбергом, который выделяет три уровня значения утопии: повседневный (фантазия), литературный (жанр) и философский (прогностический). На философском уровне утопия действует в исторической реальности, поскольку «реальное» состоит не только из «того, что есть», но и из «того, что должно быть». Желание возможного и невозможного, выраженное в «долженствовании», формирует и напрягает реальность, направляя её к иной возможности бытия» [12, с. 60].

Утопию, как «место, которого нет» в реальности, но оно есть как идеально воображаемое, в возможности, мы встречаем в латиноамериканской фи-

лософской литературе во множестве романов, эссе, практической деятельности, где утопия связывается с идеально-возможной формой социально-политической организации жизни. Как отмечают современные исследователи, особенно характерно становится обращение к утопии в наше время. Фрей Бетто указывал на катастрофические последствия, которые зарождающаяся идеология неолиберализма принесла Латинской Америке, по сущности ориентированной на развитие подлинных процессов социального, культурного и исторического знания. Он отмечает, что утопии в Латинской Америке не только имеют будущее, но и становятся необходимыми и неотложными [10, с. 60]. Эта мысль справедлива как для всего мира в целом, так и для Латинской Америки в частности. Подчеркнем, что идея конца утопии не приобрела особую популярность в странах Латинской Америки.

Представление об утопии как образе межчеловеческих отношений в философской мысли Латинской Америки

Философия конца XX – начала XXI века характеризует переживаемый социально-исторический период как «пост-утопия», провозглашающий отказ от утопии в пользу антиутопии. Английский писатель Мерлин Коверли, в труде «Утопия», отмечает, что после окончания Второй мировой войны идея утопии стала отступать. Причину отказа от утопий он связывает с разочарованием в идеалах, страхом перед действительностью: как после газовых камер можно было сохранить веру в нечеловеческую идеальность или верить в обещание идеального общества? [9] Как видим, встает экзистенциальный фактор, требующий нового подхода к утопии.

В сложившихся условиях, господствующей тенденцией на Западе «стала дискредитация утопий и создание различных антиутопий, предрекавших мрачное будущее человечества и предостерегавших об опасности насильственного «осчастливления» человека»³. Вопреки антиутопическому повороту западноевропейской философской традиции, философская мысль Латинской Америки провозгласила кризис, но не отказ от утопии, которая «далека от того, чтобы исчерпать свою повествовательную мощь, открывающую ожидания и провозглашения» [9, с. 28]. Антиутопический поворот в Латинской Америке не нашел отклика в силу духовно-мировоззренческой уникальности латиноамериканской культуры и природы самой утопии, генетически восходящей к особенностям воображаемого философско-символического мышления, данного в антропосоциогенезе и развиваемого в процессе тру-

³ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

довой человеческой жизнедеятельности, требующей как духовного, так и телесного напряжения.

В качестве примера нового конструирования утопии в Латинской Америке представим точки зрения двух современных латиноамериканских мыслителей.

Обратимся к философским рассуждениям Ф. Аинсы, который отмечает характерный для постмодернизма «конец мифа о Революции и Великого Проекта», имея в виду конец череды революций в Европе и Латинской Америке, а также идеи модернистского и классического социализма, изложенные еще начиная с «Утопии» Т. Мора. Критически оценивая разные подходы, он выступает сторонником современного антропологического подхода к утопии как необходимого фактора в культурном самовыражении, ставя в центр человека и его будущее.

Ф. Аинса указывает на то, что мировая глобализация вызывает «интернациональный страх», обусловленный финансово-экономической политикой, локальными и региональными конфликтами, войнами, отсутствием безопасности, безответственностью в моральном отношении, природными катаклизмами, загрязнением окружающей среды и т. д. Для него утопия всегда была и должна существовать, поскольку она представляет идеальный антропосоциальный образ, характерный для культуры Латинской Америки. Однако в современном мире утопия переживает драматический момент. Рассуждая о напряженном противостоянии сущего и должного, реального и идеального, он призывает, во-первых, отказаться от неплодотворного утопического дискурса, имея в виду устаревшие взгляды на социально-политическое переустройство с поиском «места, которого нет» и антиутопию как невозможность идеального, вызывающих дезориентацию. Во-вторых, он взывает к необходимости произвести реконструкцию утопического мышления, идя не по пути устаревших идеалов, а найти свой путь восстановления утопической функции в Латинской Америке, согласно своей идентичности. Если в западном постмодернистском воображении утопия вытесняется антиутопиями, то исторически для латиноамериканцев утопия всегда присутствовала и оста-

ется как противопоставление должного бытия сущему. Очевидно напряженное противостояние между идеалом и действительностью, должным и сущим объясняется, как пишет Ф. Аинса, сложностью самого утопического дискурса и «особым, «разорванным» характером американской идентичности» [2, с. 80]. Возникает несоответствие философско-утопической социально-политической теории и жизненной практики, когда «индивидуальная мечта и надежда находят продолжение в реалиях коллективных фрустраций» [2, с. 80]. При этом стояла проблема идентичности, в результате возникали неудачные проекты, составившие целую «энциклопедию американской надежды». Аинса выступает за новый образ утопии, исходящий из анализа прошлых неудач и необходимый для Латинской Америки в новых условиях, сохраняя самоидентичность и учитывая риски новых проектов при осознании необходимости утопий. Предложение Аинсы по новой реконструированной утопии направлено не на «место, которого нет», как мечтали прежде, поскольку теперь вся наша планета и анклавы просматриваются сполна, а на антропологический подход к утопии как образа в контексте латиноамериканского культурного самовыражения, не утрачивая совсем связь с реальностью и культурной идентичностью. Культурно-антропологическое измерение предполагает учитывать обычаи, верования, неудовлетворенность жизнью отдельных социальных групп и уйти от ностальгии и разочарования в «политику для людей» (Здесь он ссылается на D. Mathews. *Politica para la gente*. Medellin, 1997)⁴.

В современной философской мысли сложилось «двойственное отношение к утопии. С одной стороны, продолжают попытки ее дискредитировать, подчеркивая недостижимость коммунистических идеалов, отождествить марксизм с утопическим сознанием. С другой стороны, раздаются призывы создать программу обновления государственно-монополистического капитализма посредством «реформации сверху», противодействующей социальной революции»⁵. Во 2-й пол. XX в. в социальной философии закрепилось «разделение утопий на «утопии рекон-

⁴ Приведем его аргументы утопической антропологии. Вот что он пишет в эссе «Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке»: «В современном мире, изменившем свои пределы, все приглашает к тому, чтобы в сложной, разнообразной и множественной текстуре социокультурной реальности освободить утопию от исключительно политического тотализирующего (чтобы не сказать тоталитарного) содержания и обратить в сторону «инаковости» и «социальности» открытых и динамичных межчеловеческих отношений. Утопия должна принадлежать не сфере абсолютного знания, но «встрече», т. е. тому, что Левинас трактует как поле едва начинающихся исследований – утопия человека. Несмотря на утрату уверенности и на то, что сейчас не самые подходящие условия для изучения утопической функции, мы, «искатели утопии», продолжаем упорную работу в данном направлении в Латинской Америке. Творения «чуждого утопического» вновь будут, как оно уже не раз бывало в другие периоды истории идей Нового Света, утопиями творческими и фантастическими, истинными выражениями ренессанса критического мышления, литературными творениями, создаваемыми для и во имя большей свободы. Я в этом настолько убежден, что хочу закончить словами, которые не помню, где прочитал, и кто их сказал: «Я видел лучшее будущее, и оно реально» [2, с. 87].

⁵ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

струкции», ставящие в основу принцип конституционного преобразования общества, и «утопии бегства» от социальной действительности. В 70-90-х гг. появилось понятие «обоснованная утопия» для признания социальных программ воплощения в жизнь «предполагаемого будущего». При этом западная философия воспринимала утопию как химеру, боясь новых революций, освободительных движений и особенно распространения коммунизма как реального воплощения утопии. Падение коммунистических режимов, кризис социализма и утопизма в Европе, не нашел отклика в Латинской Америке, в которой сохраняется стремление к утопии в ряде социальных явлений, таких как социально-освободительное сапатистское движение (1994 г.), конституции Эквадора (2008 г.) и Боливии (2009 г.). Именно в единстве латиноамериканских народов видит сущность утопии Латинской Америки кубинская исследовательница Йоханка Леон дель Рио, для которой утопия выполняет функцию противостояния иностранному, агрессивному и разрушительным силам и исторически ассоциируется с испанской колонизацией, а сегодня – с экономической зависимостью от североамериканского капитала [14]. Этим стремлением к единству объясняется интерес мыслителей Латинской Америки к утопиям как социальным моделям, направленным, как считал А. Э. Штекли, к обретению братства и общности духа [7]. Утопии, как мы считаем, являются воображаемыми социально-антропологическими моделями, направленными на идеально-максимальное повышение уровня жизни общностей и общества, межчеловеческих отношений. В утопии воплощается вера человека как телесно-социально-духовного существа в самого себя, через провозглашение культа равенства возможностей и справедливости, творческой и вместе с тем ответственной свободы. В этом свете утопию можно трактовать как модель мягкой политической силы во имя безопасности социально обусловленного человеческого существования.

Подобные тенденции в развитии утопии Латинской Америки могут указывать не столько на возрождение утопии, сколько на ее перерождение или современное конструирование образа утопии как фактора межчеловеческих отношений на новом и более высоком уровне, направленном на возможную реализацию морально достойной социальной жизни, хотя бы в далеком будущем. Тем самым, утопия по сущности фундирует активное и гармоничное межчеловеческое взаимодействие, деятельность, поведение, общение, стремится к обоснованию новых антропосоциоэкологических горизонтов развития человека. Человечество, в свете утопии «оказывается помощником Бога в деле Творения, которое с каждым днем совершенст-

вуется, благодаря тому божественному инструменту, каким является утопия. Утопия присутствует во всем, что связано с человеком» [1, с. 39].

В анализе утопии в Латинской Америке, Ф. Аинса ставит три вопроса: «что мы понимаем в настоящее время под утопией? К чему в настоящее время сводится утопическая функция? Что мы можем предложить со своей стороны?» [2, с. 80]. Обращаясь к вопросу о сущностном подходе и понимании утопии, что «Утопия, традиционно понимаемая как политический или социальный проект, вообще игнорировала антропологическое измерение» [2, с. 80], мы представим свое рассуждение. На наш взгляд, антропосоциоэкологический подход предполагает, прежде всего, биосоциокультурную сущность человека, у которого, во-первых, тело природное и разрастающееся посредством технологий «неорганическое тело цивилизации». Во-вторых, человек – существо социальное. В-третьих, вершиной является духовная сущность человека, включая в своей многогранности эстетическую, аксиологическую, этическую, религиозную, научную и другие духовные аспекты. В утопиях Нового времени они присутствуют, например, в утопии Кампанеллы «Город солнца». Мы должны признать, что социально-политические проекты неотделимы от человеческого существования. Если понимать человека по своей сущности и его бытие, обусловленное космосом, земной биосферой, природой, социумом, телесностью, психически и интеллектуально воспринимаемыми явлениями мира, то утопия нуждается в культурных воззваниях. Так и Аинса считал, что культурным реалиям несет угрозу экономико-финансовая глобализация и ее последствия для человека. Следует понимать, что утопическая функция присуща человеку с его свободой воображения, но как быть человеку между государственным порядком и свободой.

Подчеркивая антропологический подход в создании утопии, Ф. Аинса приводит слова латиноамериканских ученых, ссылающихся на испанского педагога и писателя Р. Мартинеса. Так он пишет «Утопия, – говорит нам Рохелио Бланко Мартинес в книге «Отсутствующий город. Утопия и утопизм в западном мышлении», – антропоцентрична, гуманистична и одновременно тоталитарна; прилагательное «тоталитарный» здесь используется не в политическом смысле, а в смысле наличия центростремительной точки, точки синтеза, гармонии, к которой устремляется структура. Утопия монистична в оптимистическом смысле, потому что помещает человека в центр мира как господина своих снов и хозяина своей судьбы» [2, с. 82].

Нам импонирует то, что Аинса отмечает выдающиеся заслуги доминиканского исследователя, лите-

ратуроведа Энрикеса Уренья, который первый сказал об «утопии Америки» еще в 1922 г. и изложил следующий проект социального развития. А именно: «дать образование всем людям», найти «наилучшие инструменты для создания всеобщего блага» и прилагать благородные усилия, чтобы «приблизиться к социальной справедливости и подлинной свободе», что в итоге было резюмировано в лозунге: «идти, наконец, вперед, к нашей утопии». Этот лозунг с годами превратился в судьбоносную проблему латиноамериканской мысли» [2, с. 83–84]. Как видим, здесь идеалы и ценности классической утопии, перекликающиеся с коммунистическими утопическими идеалами: всеобщее образование, всеобщее благо, социальная справедливость, подлинная свобода.

Как пишет Ф. Аинса, современный колумбийский философ Рафаэль Гутьерес Гирадот отмечал, что, в представленной им американской перспективе «утопия трансформировалась в «антропологическую и историческую категорию», основанную на критической и рационалистической способности человеческого существа. Стремление к совершенству, которое рождается вместе с греческой философией, обретает свою историческую и антропологическую определенность в Америке, где утопия превращается в диалектическую форму мысли. Поэтому развивая мартианский идеал «нашей Америки», можно говорить о «нашей утопии» в двойном смысле: реализация утопии как «наше человеческое и историческое самоосуществление» и как самоосуществление Америки, которая «исторически была Утопией» [13, с. 24].

Из приведенного высказывания выделим слова: «наше человеческое и историческое самоосуществление» и как самоосуществление Америки, которая «исторически была Утопией» – это и есть ответ на вопрос: что такое латиноамериканская утопия сегодня.

По второму вопросу значимости утопической функции ответ Ф. Аинса был следующим. Ссылаясь на Клаудио Маргиса, он пишет: «... конец мифа о Революции и Великого Проекта должен придать «больше конкретной силы идеалам справедливости», лишенным искажений мифологизирующего и всеобъемлющего идолопоклонства» [2, с. 83]. И далее о том, что К. Маргис понимает под утопией непосредственную борьбу за такой порядок, как он должен быть, потому что не всё предопределено, хотя эта борьба закончится разочарованием. Нужны терпение, упорство, несмотря на то, что не всё осуществится, но важны борьба, движение, действие за лучшее будущее. Продолжим мысль Маргиса и скажем, что утопия, в своей идеальной функции возможного или вероятного, нас предостерегает в виду непредсказуемости в приближении к её реальному воплощению.

Утопия как идеальная модель общественного состояния и межчеловеческих отношений никогда в полной мере не может осуществиться, тем не менее, ценность ее по своей функции высока: «Утопия и разочарование не противостоят, но взаимно поддерживают и корректируют друг друга, помогая в осуществлении своих моделей. Разочарование, корректируя утопию, усиливает ее основной элемент – надежду, и хорошо бы здесь вспомнить Канта, что надежда возникает не из видения спокойного и оптимистичного мира, а «из жизненных испытаний и неприкрытых страданий, порождающих неукротимую жажду избавления» [14].

Подчеркивая такое латиноамериканское качество как умеренность, приводятся слова Хосе Карлос Марриатеги – перуанского писателя, философа-марксиста, автора «Семи очерков истолкования перуанской действительности» (1928), что «чрезмерная вера Америки в свое будущее порождает серию преувеличений, категоричность которых необходимо смягчить, исходя из здравого смысла, дополненного историзмом эссеиста, чувствующим себя в моральном плане «реформатором» и «преобразователем общества» [2, с. 84].

Как полагает Ф. Аинса, латиноамериканская утопия должна сочетать социальные цели и человеческие возможности их достижения. При этом он напоминает, что «Америка – это ее индейцы, но также ее конкистадоры, освободители и просветители: это одно целое, подлинный тигель культур» [2, с. 85]. В этой связи по мысли философствующего писателя Латинская Америка становится центром сосуществования взглядов с надеждой на будущее. Ценной представляется его мысль, что «Утопия продолжает оставаться реальностью и необходимостью, которую сопровождает не эхо создания систем, а ответственное творчество индивидуальности, соединенное с коллективным взаимодействием» [2, с. 85].

Как мы понимаем Ф. Аинса, функциональная сила утопии состоит в межчеловеческих отношениях, которые являются фактором человеческого творчества и свободы воображения. Поскольку не просветительские программные установки и классические утопии, а сам процесс созидания приближает будущее. С утопией он связывает идею вероятности и варианты будущего, когда необходима мудрость в выборе пути. Утопии связываются с неудовлетворенностью социально-политическими системами, партиями, что называется «голодом другой политики», который лежит в основе любой утопии. Он пишет, как по его мнению должно быть: «Неформальная политика предполагает гражданскую работу на всеобщее благо, в которой гражданин не чувствует себя жертвой или потребителем навязанных или доступных политических реше-

ний, но творцом общего пространства глубоко прочувствованных, а не формально принятых решений» [2, с. 85]. В его утопии долгий путь «к толерантности, умеренности, преодолению драматизма и конвергенции», достижению нормативного консенсуса в межчеловеческих отношениях.

Что же в результате предлагается Ф. Аинсом по третьему вопросу конструирования новых утопий, когда человек ощущает наступление новой цивилизационной технократической формации. Он указывает на большое количество утопических литературных текстов в Бразилии, Аргентине, Коста-Рики, Колумбии и др. Утопическая функция присутствует в романах. Кроме того, доказывая культурную ценность утопии в Латинской Америке, он приводит ряд симпозиумов, посвященных проблеме «Утопии и Латинская Америка». В рамках международных конгрессов в Стокгольме, Кито, Варшаве, Сантьяго-де-Чили, Севилье отстаивались концепты, теоретическая и практическая значимость междисциплинарного подхода латиноамериканской философии, приветствующей утопии. Например, в книге «Цивилизаторский процесс и утопическая практика в нашей Америке» (1995), где сказано, что Америка, прежде бывшая хранилищем утопий для других, теперь творит утопии для себя, провозглашает право на неотъемлемое право критического мышления и освободительного дискурса по вопросу утопии. К сказанному дополним свою мысль, что обилие литературы, в которой находит место, которого нет в реальности, но оно есть в фантазийной свободной утопии и выполняет роль пропаганды.

Ф. Аинса заключает свое размышление о том, что многим новая утопия может показаться неосуществимой. Однако, как он считает, в современном мире, сложились социокультурные условия освободить утопию от исключительно политического тоталитарного содержания и обратить в сторону подлинной «социальности открытых и динамичных межчеловеческих отношений». Утопия, как мы понимаем латиноамериканцев, не должна быть, скажем словами Канта, «вещью самой по себе» в сфере недостижимого, а должна приблизиться к человеку. Латиноамериканские мыслители считают себя искателями новой утопии, создавая философско-фантастические литературные произведения. Ф. Аинса утверждает, что утопия, безусловно, способна приближать к реальному воплощению того, что виделось как лучшее будущее.

Прежняя утопия предполагала историческую, национальную, территориальную идентичность, а что же происходит сейчас, когда стираются эти границы. В главе «Новые границы идентичности» описываются возможности утопической функции маргинального, нетипичного типа. Обычно самоидентичность

распознается ответом на вопрос «кто такой», и как пишет Аинса, традиционно идентичность определяет «чувство причастности к некоему общему достоянию (территории, истории, языку, религии, ритуалам и обычаям)» [1, с. 197]. Теперь же национальные границы размываются, большое количество иммигрантов, «инаковость» групп меньшинства, безработных, отток сельского населения в города вызывают смещение и многообразие культурных потоков. Подобные гибридные процессы вызовут иные утопические проекты воображаемого пространства для сосуществования разных социальных групп.

От себя добавим, как здесь не вспомнить постмодернистские эстетические категории, такие как коллаж, абсурд, лабиринт, жесткость и повседневность, деконструкция и симулякр, др. А у Аинсы утопическая рефлексия связывается с мультикультурным «бриколлажем». И тут по его словам встает проблема международной этики и ответственности при свободе утопического творчества. Важно «глобально мыслить и нравственно поступать» [1, с. 204]. Аинса заключает эссе словами, что будущая утопия выйдет за пределы «нигдеинной» территории и станет «настоящей *пантопией* – утопией «всех возможных пространств»» [1, с. 205].

На какую мысль наталкивает нас тема реконструкции утопии по Аинсу? Выделим межчеловеческие отношения в социально-политической латиноамериканской философской стратегии. В межчеловеческих отношениях, поднимаемых утопической функцией мы видим три уровня: многоликое целостное человеческое бытие, желающее безопасности; индивидуальное, личностное бытие, мечтающее о благосостоянии и благополучии; транснациональное бытие в самоидентичности людей, социальных групп, этносов, государств.

Теперь представим другую точку зрения, которая не столько прогностическая, сколько критически-рационалистическая, вызванная острым переживанием вхождения и распространения в мире антиутопических взглядов.

В статье «Почему Утопия?» Йоханка Леон дель Рио отмечает перманентный интерес к утопии, характерный для латиноамериканского мышления. Кубинская исследовательница утопии писала, что время разворачивает настоящее, которого искали в прошлом, но не нашли, поскольку осталась неудовлетворенность из-за неисполненного желания, но за этим отрицанием прошлого выступает реализация желаемого в настоящем. Латиноамериканская мысль всегда была устремлена на «рассвет», на грядущий день, в будущее и занята проблемой не кто мы есть сейчас, а какими должны быть. Она указывает на то, что все исторические, социальные, экономические, полити-

ческие и культурные условия Латинской Америки способствуют тому, чтобы думать об «измерении будущего» [14]. Устремленность в будущее, как особенность латиноамериканского мышления проявляется во всех культурах и этносах Латинской Америки от индейцев, латиноамериканцев до афроамериканцев. Й. Леон дель Рио трактует утопию в латиноамериканской мысли как художественный процесс и это утопия восстания, пишет она, ссылаясь на Артура Андреса Роига, отстаивавшего высокое значение утопии в латиноамериканской философии.

Согласно Й. Леон дель Рио, феномен утопии существует в двух ипостасях. Один вид утопии – это мечта, реализованная в проектах и социальных экспериментах западного общества о так называемом Новом Свете. Этот вид утопии характерен для первоначального этапа развития утопической мысли, когда в Латинскую Америку стала проникать западноевропейская философская традиция, отражающая желаемый образ жизни и будущего. На этом этапе Латинская Америка испытывала западное влияние.

Второй вид утопии – это утопия собственно Латинской Америки, наполненная размышлениями над судьбой латиноамериканских народов. Именно второй тип утопии нашел выражение в социальных и революционных движениях, в таких как народное единство в Чили, Мексиканская революция, крестьянское движение Сандино и Сандинистская революция, аргентинский перонизм, Кубинская революция. С утопией в Латинской Америке связаны дискурсы о будущем индийской, испаноязычной и африканской Америки. Роль не столько самих вымыслов и воображения, вызывающих напряжение, сколько действие утопической функции, побуждающей людей к действиям, превышающим рамки социальной реальности. Философа волнует не вопрос, что такое утопия, а ее позитивное влияние: «Утопии – это нечто большее, чем необходимость перемен и потрясений в социальной деятельности людей, это непредвиденное обстоятельство, в котором играет роль воля действующих субъектов». Она сравнивает утопическую функцию с детонатором в современной философии, что и привлекает латиноамериканскую мысль, которая обратилась к реконструкции утопии. Притягивает именно сила критической регулирующей функции утопии.

Й. Леон дель Рио указывает на различие выражений: «Утопия для Латинской Америки» и «Утопия в латинской Америке». Первое означает тысячулетнюю мечту западного мира о так называемом Новом Свете для эксперимента западного проекта. Второе выражение относится к истории и теории утопии в Латинской Америке, чему посвящено ее исследование.

Латиноамериканская утопия, на ее взгляд – это социальная мысль в контексте политики и практики, взятая как процесс самосознания, как проблема идентичности, связанной с судьбой латиноамериканских обществ. Здесь один вид утопии привел к восстанию коренных народов, другой в XIX–XX вв. к идеям независимости, приведшим к революциям. Таким образом, утопии не просто игра воображения, а регулирующая функция. И политика в латиноамериканской мысли, согласно автору, есть утопия. Обозначив таким образом контуры своего исследования, Йоханка Леон дель Рио разделяет утопические модели на два вида: утопия латиноамериканского единства и утопия латиноамериканского освобождения.

1. Утопия латиноамериканского единства, предстает идеалом, «который определяет значение Латинской Америки на основе ее единства как общества, идентифицируемого по своей идентичности (языковой, религиозной, культурной и исторической) и является эффективным средством противостояния иностранным, агрессивным и разрушительным силам, исторически отождествляемым с испанской колонией, а сегодня – с экономическим присутствием североамериканского капитала» [14].

Обращаясь к истории периода борьбы за независимость Южной Америки: выделяется деятельность Симона Боливара и Франциско де Миранда, когда была задумана социально-политическая утопия, боливарианский проект под названием Великая Колумбия. Он предусматривал Единство Конфедеративной республики из союза Венесуэлы и Новой Гранады вплоть до Амфикистического конгресса, регулирующего разногласия, как лига суверенных братских наций с целью противостояния иностранной власти. По мнению Йоханки Леон дель Рио, боливарианская утопия скорее субъективная, трансцендентальная утопия, продвигающая мысль о мечте свободы и славы латиноамериканской нации, где понятие нации трактуется не только в этническом смысле, но и в государственной идентичности. Провалившийся боливарианский проект Й. Леон дель Рио называет «лабиринтом одиночества», в котором оказался герой утопии. Мифотворческая сила пересмысленной утопии тогда рассматривалась не ради социальной, политической, экономической независимости континента, а воспринималась как вовлеченность молодых наций в мировой рынок. Такая утопия выступала не за интересы широких масс, а за интересы обедневшей латиноамериканской аристократии и иностранной буржуазии. При этом выдвинутая проблема идентичности вызвала братоубийственные войны. Так, боливарианская утопия приняла другой характер – не благой идеи, а инструмента и воплотилась в разрушительное консервативное действо, разделяя народы.

Символическое утопическое выражение другой угрозы после доминирования Испании, а именно, американский империализм конца XIX в. нашло выражение в мыслях Хосе Марти, писателя и лидера освободительного движения Кубы. Его утопия о полноценной жизни людей с идеей свободы и признания субъекта, человека, когда нужно верить в лучшее в человеке и опасаться худшего. Собственно здесь перекликается идеально-социалистическая модель «сделать человека лучше». Автор пишет о том, что утопия используется как средство, ограничивая саму утопию. Жизненная важность утопии в ее посреднической деятельности, выступая стимулом. Что касается реальной жизни, то здесь, по мнению автора, необходим анализ с материальной, рациональной точки зрения, с учетом самоопределения другого. Сегодня, как замечает философ, латиноамериканское единство является скорее революционной, чем консервативной утопией: «Это утопия единства в солидарности, надежды и защиты культурной самобытности». Критическая оценка такой утопии необходима, так как реальность, породившая такую утопию, не преодолена.

2. Утопия освобождения – это модель, предполагающая процесс латиноамериканской гуманизации человека в политическом, экономическом, культурном и духовном плане. Утопия освобождения вызвана социально-освободительным движением, поэтому заслуживает исторического исследования. Здесь находит место понятие народной утопии в работе «Надежда и утопия в латиноамериканской борьбе» Хелио Галлардо Мартинеса, чилийского философа и профессора университета Коста-Рики. Народная утопия потому, что выражает надежды народа.

Однако утопия освобождения, являясь самым сильным компонентом в современной латиноамериканской философской мысли, имеет разные подходы. Первый вид такого типа утопии составляет утопия духовного освобождения, которую Й. Леон дель Рио связывает с введением индейцев в христианскую веру еще в эпоху Возрождения. Тогда, например, появилась Утопия Лас Касаса, вдохновленного утопией Т. Мора. В те времена, в частности, христианские гуманисты, священники Лас Касас, защищавшие коренное население, и Гинер де Сепульведа, вели спор, из которого вытекают линия революционной утопии и линия консервативной утопии. Освобождение в схоластике имело два смысла как духовное освобождение и как гражданское освобождение. В XIX в. утопическая мысль была направлена, как выше отмечалось, на политическое освобождение, связанное с борьбой за независимость не без влияния европейской идеологии с лозунгами «братство, равенство, свобода».

Современное создание утопии освобождения получает смысл позитивизма и институционализации латиноамериканских обществ, где преобладает логика, теория и абстрактность. Утопия нашла место в научном утопизме, где научный подход направлен на реализацию утопических возможностей человеческого освобождения. Леон дель Рио пишет, что теперь «утопия нашла различные опосредования в проектах эмансипации социально-политических структур, мышления и культуры» [14].

В латиноамериканской философии с начала XX в. (А. Деустуа, Ф. Ромеро, А. Касо, А. Корн и др.) было направление, которое повернуло утопическую тему освобождения в сторону индивидуальной этики свободы с моральной ответственностью на основе опыта в мире межчеловеческих отношений, культурной и интеллектуальной идентичности как освобождение от американского империализма.

Другая форма утопии освобождения – это марксистская мысль с идеей «отчуждения» человека, классовой борьбы в целях достижения идеи социализма. Примерами латиноамериканской марксистской утопии являются семь эссе Х. К. Мариатеги «Интерпретация перуанской реальности с мечтой о социализме в Латинской Америке», заслуживающей и сегодня внимания и являющемся ресурсом новых утопий, по мысли Й. Леон дель Рио.

В конце XX в. проблему социализма как утопии рассматривает мексиканский философ-марксист Адольдо Санчес Васкес, одна из работ которого называется «От социализма научного к социализму утопическому». Он придавал большое значение марксистской эстетике и искусству, что для нас является ценным, так как марксистская эстетика подчеркивала духовно-практическое назначение искусства для освоения действительности с помощью фантазии и воображения. Для Васкеса социализм представляется утопией, так как в историческом развитии он остается идеалом. Важно отметить, что Йоханка Леон дель Рио ставит под сомнение не сам социализм в плане утопии, а «концепцию утопии, с помощью которой предполагается обосновать социализм». Согласно ее мнению, утопию нельзя понимать как позитивное трансцендентальное представление о реальности, ведь утопия всегда за пределами реальности. Утопия функционирует, стимулирует, но важнее рассматривать саму социально-политическую и экономическую реальность.

Следует заметить, что утопия освобождения в марксистской мысли Латинской Америки XX века, с одной стороны, провозглашает «конец утопии», но с другой – создается теоретико-концептуальное основание для развития философско-утопической мысли,

рассматривающей бытие человека в согласованности с его чувственностью [7, с. 434].

К утопии освобождения Й. Леон дель Рио относит также еще одну теорию – «теологию освобождения» как политическое мессианское движение, которое объединяет и марксистов и христиан в контексте социальных наук. Это движение противостоит не атеизму, а идолопоклонству перед господством неолиберальной политэкономии. Богословское, по сути, оно ищет связи между теологией и экономикой. При этом богословская рефлексия с эмпирической точки зрения обращена к критике неолиберальной политической экономики и утопизации рыночного права, заинтересованного в расчетах и рентабельности, не считаясь с фундаментальными основами жизни людей и природы.

Рассматривая утопию в современном мире XIX–XX вв. с исторической точки зрения, Й. Леон дель Рио является сторонником рационально-критического подхода к миру утопического, чтобы, как пишет автор, не быть в плену наивного и утешительного. Идеальная составляющая утопии может ввести в заблуждение, вселяя надежду, в то время как современная социальная действительность указывает на то, что мир стал другим по сравнению с прошлыми столетиями. Тем не менее, в наше время об утопии следует думать и говорить, поскольку то, что считалось ранее неотчужденным, стало отчужденным предметом торговли. Так например, если ранее «добродетель, любовь, мнение, наука, совесть и т. д. приобретались, но никогда не обменивались», по сути это ценности жизни, то теперь «время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, моральная или физическая, превращенная в меновую стоимость, выносятся на рынок, вместо того, чтобы быть оцененной по самой справедливой стоимости» [14].

Антиутопический подход автора указывает на значимость утопии в том смысле, что утопии подобно утопиям Мора, Кампанеллы, остались в истории, в прошлом, которые не следует забывать, чтобы оставаться человеком. Утопии в современном мире сегодня заменила виртуальная ироничная реальность техноутопий, по сути, как мы понимаем автора, современная утопия стала выполнять функцию нарративов, симулякра, игры, лабиринта. Думать об утопии сегодня необходимо для того, чтобы не забыть не только прошлое, места, которого не было у человека и его состояния, но и не потерять память о том, зачем мы живем здесь сегодня. Страх вызывают коммуникационные технологии, манипулирующие массовым сознанием. Современные утопии отличаются тем, что

они встраиваются в мир новой техногенной цивилизации, взывая к социально-политической мудрости. В XX веке соратник К. Поппера, экономист Р. Хайек называл вредной утопией идеи планирования социальной жизни в контексте глобальной рационализации человеческих взаимоотношений. В этой связи встает проблема антиутопии.

Заметим, В. А. Лекторский, приводя слова К. Маркса, что «человек как результат собственной деятельности» [5, с. 173] пишет: «Я хочу специально подчеркнуть, что имею в виду не только целенаправленное изменение человеческой телесности и психики (сознательное «конструирование» человека), но и создание такого технологического мира, который роковым образом может повлиять на человека, хотя такая цель непосредственно не ставится». А цель как раз наоборот заключается в том, чтобы усовершенствовать человеческую жизнь, сделав ее более творческой [5, с. 173]. Таким образом, наряду с утопиями выстраиваются антиутопии.

Антиутопистом нередко называют К. Маркса. В свое время мы, следуя антропо-аксиологическому методу и идеи «утопии этического симбиоза» как возможности достойного существования в глобальном мире, обратили внимание на феномен чувственности в философско-антропологической концепции К. Маркса [3]. Маркс в ранних философских работах, связанных с экономикой, выделял «сущностные силы человека», где чувственность, неразрывно связанная с сознанием, являлась предпосылкой духовно-практической деятельности [4, с. 434]. Лекторский отмечает, что до недавнего времени проекты покорения природы и преобразования социальных отношений как утопии породили экологический и антропологический кризисы. Однако проекты трансформации межчеловеческих отношений и восходящего движения человеческой жизни вновь возвращают к утопиям: «Время утопий как будто возвращается» [5, с. 179].

Й. Леон дель Рио, в анализе утопии, на наш взгляд, остается в рамках марксистской философии, согласно которой сознание фундировано чувственностью, являющейся предпосылкой практической и духовно-практической деятельности. Чувственность, побуждающая к созданию форм предметного бытия, обусловлена развитой телесной организацией и выступает как «чувство общественного человека», «богатство субъективной человеческой чувственности», что является особенностью «человеческих сущностных сил». При этом научный коммунизм в свете философской традиции марксизма, по рассуждению Леон дель Рио – это модель и принцип будущего, а не утопия. Продолжая эту мысль в последующей статье «История и логика концепции утопии»

Й. Леон дель Рио пишет: «С XXI веком, по-видимому, исчезла возможность проецирования идеала на лучшее общество и невозможность мыслить утопию. Однако распространение утопических вселенных прослеживается в идеалах социальных движений сопротивления капитализму» [15, с 5]. Таким образом стоит вопрос об утопическом значении.

В своем рационально-критическом анализе утопической проблематики кубинская исследовательница утопии провозглашает не только сознательный отход от утопии как не соответствующей потребностям современного социума, т. е. зрелому состоянию капиталистического производства, но и определяет иную концептуальную основу в осмыслении проблемы человека и его отношения к внешнему миру. Й. Леон дель Рио, вслед за Карлом Марксом, провозглашающим о конце утопии, создает теоретико-концептуальное основание для философской дилеммы «утопия-антиутопия». Новая форма утопии, согласно ее словам, точнее топос, не «место, которого нет», а эксклюзивное место, куда вы можете или войти, или не войти, там, где место не занято суверенными потребностями. И «если нет места для всех, то я должен по крайней мере найти место для себя».

Как мы ранее отмечали, доминантой сознания в современном человеческом бытии, а значит, в межчеловеческих отношениях ценностью выступает достоинство человека, претендующего на признание на разных уровнях. Национальное человеческое достоинство, которое понимается в двух ипостасях и как этнического национального достоинства и как достоинство гражданской нации, предполагает не просто существовать, а существовать достойно, т. е. быть признанным участником диалога культур. Достоинство нации, государства состоит в том, чтобы быть услышанными, признанными, авторитетными в новых цивилизационных условиях [3].

На вопрос и ответы Й. Леон дель Рио «Почему утопия?» мы по-своему скажем: «почему нужна утопия?». Почему нашему сознанию нужно образное мышление посредством символизации, поиск решения социальных межчеловеческих проблем. Оно, наше социально ориентированное сознание ищет выход в искусстве, творческой модели, и находит место в утопии. Тяготение к созданию утопии – это яркая вершина, некий предел мечтаний общественного социального сознания, нашедший свою форму выражения посредством сильного чувственно-эмоционального и рационального напряжения одаренного мышления. Сегодня утопии, как и антиутопии, усиливаются в средствах выражения, тяготея к виртуальности, маргинальности, которое ближе к человеческому soma, к природной человеческой сущности.

С точки зрения антропосоциоэкологического подхода дилемма утопия/антиутопия указывает на ценность и смысл транснационального достоинства человечества по своей природе с правом на существование в планетарном масштабе.

Заключение

Обращение к некоторым вопросам философского латиноамериканского взгляда на утопию доказывает следующее. Утопия для современного человека есть не столько то, что оно «место, которого нет» в реальном пространстве, сколько то, что оно есть как идеально воображаемое в человеческом сознании, образ, нашедший выражение в литературно-философских и фантазмагорических жанрах, имеющих целевую установку на преобразование человеческой жизни, органически связанной с социумом. Утопия указывает на идеально желаемое, как должно быть, и этим функциональным значением движет мысль, деятельность.

Характер труда и деятельности исторически меняются, когда человечество находится в межчеловеческих сложных отношениях, связанных с природными и социальными преобразованиями. Антиутопические взгляды, обусловленные разочарованием, рационально-критической оценкой социальной действительности имеют право быть и требуют серьезного внимания, поскольку и они выполняют ту же потенциально прогностическую и регулирующую функцию, что и утопия. В условиях трансформации цивилизации нового типа утопия и антиутопия выступают как антропосоциоэкологическая ценность.

Антропосоциоэкологический подход, на наш взгляд, присутствует в идеально-образных утопиях, или в отстраненных антиутопиях. Как мы полагаем, тенденция к созданию новых утопий или антиутопий связана со страхом перед быстро развивающимися био- и нано- технологиями с возможной трансформацией человеческого тела и психики, всего образа жизни, а также мощных миграционных перемещениях, противостояния толерантности и нетерпимости «инаковости». В дальнейших исследованиях по утопии следует обратить внимание на эстетическое как чувственно-телесное посредством органов чувств восприятие мира, недооцененное европейским сознанием, склонным к рациональной эпистемологии, на значимость утопии в межчеловеческом отношении. Симпатии и антипатии чувственного и рационального уровней во многом определяют построение новых философских моделей, которые оперируют междисциплинарными взаимодействиями и требуют высшей ступени трансдисциплинарного мышления, что осуществляется в утопиях.

Некоторый опыт исследования латиноамериканской утопии еще раз подчеркивает двойственность утопии в функциональном значении, которая определяется как критическим взглядом на действительность, так и желаемой перспективой будущего, из-за неудовлетворенности социально устроенной жизни на данном этапе. Качество человеческого существования оценивается с точки зрения этико-эстетического восприятия гармонии и совершенства, морально должного, мерой свободы в творческом созидании, эмоционально и психологически переживаемого межкультурного взаимодействия. Само свободное создание в воображении идеальной утопической модели требует нравственной ответственности перед природой, обществом, человеческой жизнестойкостью и безопасностью. Латиноамериканские утопии как образы «места, которого нет» с позиции Ф. Аинсы полны жизнеутверждающей перспективы. Критическая оценка коммерциализации многих жизненных явлений в настоящее время с позиции Йоханки Леон дель Рио находит объяснение антиутопиям как месту, которое есть теперь и сейчас.

Утопия на современном этапе развития в свете стремления мира к гармоничному и безопасному существованию предстает идеальной моделью межчеловеческих отношений, направленных на регуляцию всех уровней социокультурного человеческого бытия

(микро – обществности и общества; макро – государства, страны; мегауровень – глобальные межчеловеческие взаимодействия в условиях новой цифровой и непредсказуемой цивилизации).

Резюмируя, скажем, что в некоторых философских взглядах Латинской Америки на значение образа утопии, а также антиутопии, обнаруживается сопричастность разных моделей в продуктивном движении философской мысли, направленной к новой социально-политической реальности, отстаивая гуманизм, суверенитет, человеческую жизнестойкость. Мы видим устремленность в новую непредсказуемую реальность, когда утопия и антиутопия в новейших фантазмагориях символически выражают тенденцию внутреннего стремления к лучшему качеству жизни в условиях новых межчеловеческих отношений на разных уровнях: всечеловеческом, континентальном, социально-политическом, национально-государственном, национально-этническом, индивидуальном. Символическая необходимость утопии является фактором социального человеческого бытия и выражает стремление к гармонической упорядоченности межчеловеческих отношений в многополярном мире на основе индивидуального, национального, всечеловеческого и транснационального человеческого достоинства.

Литература

1. Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. /Перевод с французского Е. Гречаной, И. Стаф. – М.: «Наследие». – 1999. – 207 с.
2. Аинса Ф. Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки // Латинская Америка. – 2012. – № 8. – С. 77–88. – EDN: PBOANL.
3. Коломиец Г. Г. Национальное достоинство и утопия этического симбиоза // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 5 (193). – С. 31–35. – EDN: WCFHNZ.
4. Коломиец Г. Г., Ляшенко П. В. Чувственность в философско-антропологической концепции Маркса-антиутописта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 434–445. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-434-445>.
5. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
6. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – 408 с.
7. Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. – М.: Наука, 1978. – 368 с.
8. Ainsa F. (2016) Los senderos de la Utopía también se bifurcan. 45 años de viaje buscando llegar a alguna parte. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. – No. 75, pp. 139–154. (In Spanish).
9. Coverley M. (2010) Utopia. Harpendon: Oldcastle Books, 160 p. (In Eng.).
10. Betto F. (1997) Vigencia de las Utopías en América Latina: Educación Popular, Pedagógica y Política. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. – No. 2. – pp. 57–68. (In Spanish).
11. Oviedo G. (2012) Acerca de «lo-no-necesariamente-imposible» y el «lugar» de su «no-lugar». La temporalidad abierta de la función antropológico-trascendental del discurso utópico en la filosofía de Arturo Andrés Roig. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 17. – No. 59. – pp. 27–48. (In Spanish).
12. Cruz G. (2017) Del socialismo indio al Reino de la Verdad y la Vida: utopías de Fausto Reinaga. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21, No. 75. – pp. 59–71. (In Spanish).

13. Gutierrez Girardot R. Prologo // La utopia de America. Biblioteca Ayacucho. – 1989. – 150 p.
14. Leon del Rio Y. (2002) Por que Utopia? // El Catoblepas. – No. 7. – URL: <https://nodulo.org/ec/2002/n007p05.htm#kn18>. (accessed: 04.05.2025).
15. León del Río Y. (2006) Historia y lógica del concepto de utopía. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 11. No. 34, pp. 55–78. (In Spanish).
16. Juan Pro (2022) Introduccion // Utopias Hispanas. Historia y antología. Granada, pp. 5–16.
17. Margis C. (2001) Utopia y desencanto. Barselona, 189 p.

References

1. Ainsa, F. (1999) *Rekonstruktsiya utopii. Esse* [Reconstruction of utopia. Essay]. M.: «Heritage», 207 p. (In Russ., transl. from French).
2. Ainsa, F. (2012) [Utopia: Alternative models and forms of cultural expression in Latin America. New foundations of utopia «from» and «for» Latin America]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. Vol. 8, pp. 77–88. (In Russ.).
3. Kolomiets, G. G. (2016) [National Dignity and the Utopia of Ethical Symbiosis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 5 (193), pp. 31–35. (In Russ.).
4. Kolomiets, G. G., Lyashenko, P. V. (2018) [Sensuality in the Philosophical and Anthropological Concept of Marx the Anti-Utopian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 22, No. 4, pp. 434–445. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-434-445>. (In Russ.).
5. Lektorovsky, V. A. (2012) *Filosofiya, poznaniye, kul'tura* [Philosophy, Cognition, Culture]. M.: «Canon+» ROOI «Rehabilitation», 384 p.
6. Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. Saint Petersburg: SPbGUP, 408 p.
7. Shtekli, A. E. (1978) «Gorod Solntsa»: utopiya i nauka [«City of the Sun»: Utopia and Science]. M.: Science, 368 p.
8. Ainsa, F. (2016) Los senderos de la Utopía también se bifurcan. 45 años de viaje buscando llegar a alguna parte. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. No. 75, pp. 139–154. (In Span.).
9. Coverley, M. (2010) Utopia. *Harpndon: Oldcastle Books*, 160 p. (In Eng.).
10. Betto, F. (1997) Vigencia de las Utopías en América Latina: Educación Popular, Pedagógica y Política. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 2, pp. 57–68. (In Span.).
11. Oviedo, G. (2012) Acerca de «lo-no-necesariamente-imposible» y el «lugar» de su «no-lugar». La temporalidad abierta de la función antropológico-trascendental del discurso utópico en la filosofía de Arturo Andrés Roig. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 17. No. 59, pp. 27–48. (In Span.).
12. Cruz, G. (2017) Del socialismo indio al Reino de la Verdad y la Vida: utopías de Fausto Reinaga. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. No. 75, pp. 59–71. (In Span.).
13. Gutierrez, Girardot R. (1989) Prologo. La utopia de America. *Biblioteca Ayacucho*, 150 p.
14. Leon, del Rio Y. (2002) Por que Utopia? El Catoblepas. No. 7. Available at: <https://nodulo.org/ec/2002/n007p05.htm#kn18>. (accessed: 04.05.2025).
15. León, del Río Y. (2006) Historia y lógica del concepto de utopía. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 11. No. 34, pp. 55–78. (In Span.).
16. Juan, Pro (2022) Introduccion. Utopias Hispanas. *Historia y antología*. Granada, pp. 5–16. (In Span.).
17. Margis, C. (2001) Utopia y desencanto. *Barselona*, 189 p.

Информация об авторах:

Галина Григорьевна Коломиец, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия

ORCID iD: 0000-0003-1027-9095; **Scopus Author ID:** 57223833920

e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Павел Васильевич Ляшенко, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет, Россия

ORCID iD: 0009-0008-1981-588X

e-mail: lyashenkopavel@rambler.ru

Вклад соавторов:

Авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galina Grigoryevna Kolomiets, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Russia

ORCID iD: 0000-0003-1027-9095; **Scopus Author ID:** 57223833920

e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Pavel Vasilyevich Lyashenko, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Constitutional Law, Orenburg State University, Russia

ORCID iD: 0009-0008-1981-588X

e-mail: lyashenkopavel@rambler.ru

Contribution of the authors:

The authors made an equal contribution to the concept, preparation and writing of the article.

The authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 15.06.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.